

Научная статья

УДК 398.54 (=511.142)

DOI 10.17223/18137083/84/3

Тромаганский медвежий праздник: хантыйский обряд в записи 2022 года

Галина Евлампьевна Солдатова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ge.soldatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

Аннотация

Статья посвящена недавнему событию в обрядовой практике современных хантов. В августе 2022 г. в рамках музейного фестиваля в г. Мегионе состоялся медвежий праздник. Его провели знатоки фольклора восточных (тромаганских, аганских, юганских) и северных хантов. Характеристика медвежьего праздника 2022 г. основана на выявлении его фольклорных, в том числе музыкальных, особенностей в сопоставлении с обрядами 1988 г. (фильм Л. Мери) и 2016 г. (статья Ш. Дудека). Автор приходит к выводу о тромаганском характере этого праздника и считает важным не только документирование живой обрядовой традиции, но и расшифровку, перевод и комментирование записанных текстов с носителями традиции.

Ключевые слова

обряд, фольклор, ханты, медвежий праздник

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Тромаганский медвежий праздник: хантыйский обряд в записи 2022 года // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 34–47. DOI 10.17223/18137083/84/3

Tromagan Bear Feast: Khanty rite recorded in 2022

Galina E. Soldatova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ge.soldatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

Abstract

In August 2022, a Khanty Bear Feast was held as part of the museum festival program. The festival was organized by experts in the folklore of the Eastern (Tromagan, Agan, and Yugan)

© Солдатова Г. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 34–47

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 34–47

and Northern Khanty groups. This paper aims to describe and analyze this event historically, with consideration given to the Bear Feasts recorded from the Eastern Khanty over the last 40 years. The Bear Feast of 2022 is characterized by determining its folklore and musical peculiarities. The ritual included songs of awakening and putting the bear to sleep, sacred songs of deities sung mainly by singers from the Tromyogan river. The tunes of the Tromagan bear songs were found to be similar to the ritual tunes of the Northern Ob-Ugrians. Scenes on traditional and topical subjects were performed by Northern Khanty artists together with the rest of the Bear-Feast participants, including spectators and researchers. As part of the Bear Feast, a bear-head divination ritual and a reindeer sacrifice ceremony were performed. A comparison of the Feast under consideration with published materials recorded in 1988 (a film by L. Meri) and in 2016 (an article by S. Dudeck), allowed the rite to be identified as Eastern Khanty or rather a Tromagan one. Attention is paid to the importance of documenting the living ritual tradition of the Eastern Khanty. Deciphering the recorded texts, translating, and commenting on them with the help of connoisseurs of the tradition is also crucial. Otherwise, the materials stored in archives could prove to be practically useless.

Keywords

ritual, folklore, Khanty, Bear Feast

For citation

Soldatova G. E. Tromagan Bear Feast: Khanty rite recorded in 2022. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 34–47. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/3

В 2022 г. автору статьи довелось побывать на хантыйском обряде – медвежьим празднике¹, который состоялся благодаря организационной работе Историко-культурного и экологического центра (МАУ «Экоцентр») г. Мегиона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и был включен в программу VII Регионального фестиваля «Хатлы». **Цель** настоящей статьи – описать данное событие с точки зрения фольклористики, идентифицировать обряд в плане этнолокальной принадлежности и оценить его значимость для современной обрядово-фольклорной культуры хантов².

Материал. Обряд проводился в музее-стойбище хантыйского рода Казамкиных, расположенном в 42 км от г. Мегиона в зоне экопарка «Югра» (филиал МАУ «Экоцентр»), 25–28 августа 2022 г. Вместе с коллегой, визуальным антропологом К. А. Сагалаевым, мы были приглашены организаторами фестиваля для записи медвежьего праздника восточных хантов. Приглашение сопровождалось комментарием: хантыйские старейшины хотят провести медвежий праздник *тромаганской*³ традиции, и приглашенные должны быть людьми не случайными, а пони-

---

¹ Культу медведя и медвежьему празднику – яркому явлению культур обских угров – посвящено много работ, в том числе классические труды А. Каннисто, К. Ф. Карьялайнена, Н. Л. Гондатти, В. Н. Чернецова и др., поэтому нет необходимости перечислять их здесь. Хорошие тематические списки литературы, а также описания основных этапов медвежьего праздника приведены в ряде профильных публикаций, например, [Молданов, 1999; Соколова, 2002; Лукина, Попова, 2020; Гриневич, 2021] и др. См. также сайт, посвященный культуре медведя в циркумполярной зоне: <https://eloka-arctic.org/bears/bear-ceremonialism?language=ru> (дата обращения 15.11.2022).

² Первое описание данного события помещено в материалах этнографического альбома по итогам фестиваля [Сагалаев, Солдатова, 2022].

³ Тромаганские (тромъёганские; в публикациях также: тром-аганские, тром-еганские, тром-ёганские) ханты расселены по берегам рек бассейна р. Тромъёган, правого притока Оби. Они говорят на тромъёганском говоре сургутского диалекта хантыйского языка [Чебриги, 2017, с. 15].

мающими, и не атеистами. Слабая изученность темы, редкие фиксации ритуала (об этом см. ниже) говорили о том, что предстоящее событие будет неординарным.

Запись велась нами на две видеокамеры и два аудиоустройства: один рекордер (стационарный) непрерывно фиксировал происходящее, другой (мобильный) служил для записи и обряда, и комментариев. Первая камера работала постоянно, вторая снимала детали, когда нужно. Объем видео составляет в общей сложности 157,5 Гб, фото – 3,93 Гб (452 шт.), сплошной аудиозаписи – 10,2 Гб. Полную видео- и аудиофиксацию обряда осуществили также сотрудники МАУ «Экоцентр»⁴. Короткие фрагменты были сняты журналистами телерадиокомпании «Югра» и телевидения Мегиона для создания репортажей о фестивале.

Задачи. Для адекватной оценки медвежьих игрищ 2022 г., понимания специфики обряда, его этнолокальной принадлежности необходимо увидеть его в контексте других медвежьих праздников, состоявшихся и зафиксированных у восточных, в том числе тромаганских, хантов; описать события данного обряда, охарактеризовать его фольклорное наполнение и выявить особенности – фольклорные, сценарные, музыкальные и др., опираясь на опубликованные материалы. Учитывая изначальную установку на проведение тромаганского обряда, мы будем придерживаться данной локальной традиции.

Суммируя сведения из статьи Т. А. Молдановой [2016] о возрождении медвежьих игрищ в постсоветское время, последних публикаций Ш. Дудека [Dudeck, 2022], Э. Вигета и О. Балалаевой [Wiget, Balalaeva, 2022], личного архива автора данной статьи и интернет-сёрфинга, можно говорить как минимум о девяти состоявшихся и документированных праздниках, соотносимых с восточными хантами (см. таблицу).

По приведенным записям видно, что восточные праздники не имели узкотерриториального характера, в них аккумулирован фольклор всей восточной группы хантов. Обращает на себя внимание тот факт, что в 2010 и 2016 гг. к восточно-хантыйским исполнителям добавляются северо-хантыйские. Если в 1980–1990-е гг. традиции могли сочетаться лишь внутри восточно-хантыйской группы (юганская с аганской, аганская с тромаганской и юганской), а сосуществование северной и восточной традиций в одном празднике было невозможно⁵, то в последующие годы северные и восточные локальные версии стали смешиваться в одной церемонии. Очевидна связь такой ситуации с уходом певцов старшего поколения, с невозможностью для малых групп проводить обряд своими силами, с необходимостью привлечения певческих сил с соседних и даже неблизких территорий, хотя редкие исключения всё же бывают. Праздник на р. Пим в стойбище А. С. Песиковой (2021 г.), упомянутый в статье Э. Вигета и О. Балалаевой [Ibid.], был как раз домашним (на две семьи), традиционным, проведенным по инициативе хозяина медведя. На празднике было исполнено порядка 30 песен⁶.

---

⁴ На основе этих материалов подготовлен видеофильм, размещенный на странице учреждения в социальной сети «ВКонтакте».

⁵ По словам Т. А. Молдановой, обряд 1988 г., проведенный в Ханты-Мансийске, куда привезли певцов из разных районов, «состоял из двух независимых друг от друга частей... Ведущим исполнителем восточных игрищ был П. К. Купландеев, северных – П. И. Юхлымов, С. И. Юхлымов, Д. Н. Тарлин» [Молданова, 2016, с. 119].

⁶ Личное сообщение О. Э. Балалаевой.

Медвежьи праздники восточных хантов (конец XX – начало XXI в.)
 The Bear Feasts of the Eastern Khanty (end of the 20th – beginning of the 21st century)

Год	Место	Ведущие певцы, принадлежность к этнотерриториальной группе ^I	Сведения о записи и публикации материалов
1984	на р. Аган, с. Тылчино Аганского сельсовета	Г. В. Покачев (А) А. З. Тылчин (А) М. С. Тырлин (А)	Записал на магнитофон Е. Д. Айпин ^{II}
1988-Т ^{III}	на р. Аган, стойбище Тылчиных	Д. Р. Айпин (А) И. С. Сопочин (Т) П. К. Купландеев (Ю)	Записала группа эстонских кинематографистов. <i>Публикация:</i> фильм Л. Мери «Сыновья Торума» (1989). https://jupiter.err.ee/1608732760/toogumi-rojad (на эстонском языке) (дата обращения 05.04.2023); https://youtu.be/-kkJT-tNfHc (на русском языке) (дата обращения 05.04.2023).
1988 ^{IV}	г. Ханты-Мансийск, Этнографический музей под открытым небом «Торум маа»	П. К. Купландеев (Ю)	Записали на видео А. Н. Михалёв, В. В. Шубин (студия «ВизАн») ^V . <i>Публикация:</i> фильм «Медвежий праздник сургутских хантов». https://www.youtube.com/watch?v=cw5msoZMvCg (дата обращ. 05.04.2023).
1995	на р. Большой Юган, юрты Ларломкины	Н. П. Купландеев (Ю) П. В. Курломкин (Ю) В. А. Тылчин (А)	Записали на видео Т. А. Молданов, Т. А. Молданова. <i>Публикация:</i> фильм «О чём поведал медведь на Югане» [Молданова, 2016, с. 122], доступен в соцсети «ВКонтакте». Видеозапись фрагмента обряда, в том числе песни пробуждения: https://eloka-arctic.org/bears/eastern-khanty?language=ru ^{VI} (дата обращения 15.11.2022).
2010	на р. Большой Юган, юрты Кинямины	С. В. Кечимов (Т) И. Г. Кантеров (К)	Запись Э. Вигета. Ход обряда ^{VII} описан в статье О. Э. Балалаевой [2019]. <i>Публикация:</i> видеокompиляция обрядов 2010 и 2016 гг. https://eloka-arctic.org/bears/eastern-khanty?language=ru (дата обращения 15.11.2022).
2015	на р. Демьянка, стойбище Ярсино	С. И. Ярсин (Ю) П. И. Ярсин (Ю)	Ход обряда описан в статье Л. А. Телегиной [2015].

Год	Место	Ведущие певцы, принадлежность к этнотерриториальной группе	Сведения о записи и публикации материалов
2016-Т	на р. Тромъёган, д. Русскинская	А. А. Ерныхов (К) Т. А. Молданов (К) С. В. Кечимов (Т) С. Г. Рынков (Т)	Ход обряда описан в статье Ш. Дудека [Dudeck, 2022]. См. также [Молданова, 2016, с. 122–123].
2016-Ю	р. Большой Юган, юрты Кинямины	С. В. Кечимов (Т) Яков Тайлахов (Ю) Вячеслав Когончин (Ю) ^{VIII}	<i>Публикация:</i> видеокompиляция обрядов 2010 и 2016 гг. https://eloka-arctic.org/bears/eastern-khanty?language=ru (дата обращения 15.11.2022).
2021	р. Пим, стойбище А.С. Песиковой	С. Г. Рынков (Т) Д. Н. Покачев (Т) и др. (Пим)	Запись Э. Вигета. Упоминание обряда в статье: [Wiget, Balalaeva, 2022].

^I А – аганская, Т – тромаганская, Ю – юганская, К – казымская.

^{II} Сведения почерпнуты из черновиков описи (1988) аудиофонда Окружного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы (далее – ОНМЦ), хранящихся в личном архиве Г. Е. Солдатовой. Аудиозаписи ОНМЦ (позднее: «Дом творчества народов Севера», «ТО «Культура»»), сохранившиеся к 2010-м гг., были оцифрованы [Молданова, 2016, с. 118, сн. 5].

^{III} Съёмки проводились в 1985 и 1988 гг.

^{IV} О съёмках этого фильма Т. А. Молданов записал видеолекцию: <https://youtu.be/sGUCvOLhXYc> (дата обращения 13.04.2023).

^V Сведения см.: [Шубин, 2019].

^{VI} Песня, исполненная Н. П. Купландеевым (Комплантеевым), представлена также в расшифровке и переводе на русский и английский языки (файл pdf по внутритекстовой ссылке). С этой же видеозаписи Г. Е. Солдатова выполнила нотную расшифровку, фрагмент которой опубликован в статье [Сагалаев, Солдатова, 2022, с. 82]

^{VII} На этом празднике прибегли к обычаю, «согласно которому, если нет домашних исполнителей, то их приглашали со стороны. <...> Один из исполнителей (И. Г. Кантеров) и был носителем северной традиции. Когда он исполнял длинные обрядовые песни, его аудитория, не владеющая северным диалектом и фоновым знанием традиции, рассредотачивалась, однако когда возвращался исполнитель, владеющий восточнохантыйским вариантом традиции (С. В. Кечимов), возвращался и активно-коллективный характер действия» [Балалаева, 2019, с. 206].

^{VIII} По сведениям Э. Вигета и О. Балалаевой, на этот праздник были приглашены ханты с реки Демьянка [Wiget, Balalaeva, 2022, p. 29]; URL: <https://eloka-arctic.org/bears/eastern-khanty?language=ru> (дата обращения 15.11.2022).

Кроме документированных праздников, существуют также **отдельные записи** медвежьего репертуара восточных хантов, сделанные в разные годы по просьбе исследователей и не связанные с проведением целостного обряда. В 1979 и 1982 гг. хантыйский писатель Е. Д. Айпин, будучи сотрудником ОНМЦ, выполнил многочисленные записи песен медвежьего праздника от аганских хантов: Е. А. Покачевой, М. С. Тырлина, Е. А. Айпина, Г. В. Покачева⁷. В конце 1980-х гг. в экспедициях Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, проведенных совместно с ОНМЦ, собран богатый фольклорный материал у тромаганских хантов⁸, в частности большая коллекция песен И. С. Сопочина, его «медвежий» репертуар. Среди образцов: песня пробуждения медведя; песня о Младшем сыне верховного бога, давшем людям богатство; о спуске с неба медведицы, становлении ее матерью всех медведей и встрече ее сына с Городским князем, который убивает его и устраивает медвежий праздник; о соревновании Аганской богини с хозяином Тромагана Эвут-ики и создании водного ландшафта; о распределении обязанностей между детьми Торума⁹ и др. В результате экспедиции 1988 г. получены аудиозаписи фольклора юганских хантов¹⁰, в основном песен медвежьего праздника, от выдающегося носителя традиции П. К. Купландеева, которого можно увидеть в упомянутом фильме «Медвежий праздник сургутских хантов» (1988).

Как видим, среди перечисленных в таблице обрядов есть такие, где ведущие исполнители – тромаганцы: И. С. Сопочин (1988), С. В. Кечимов (2010, 2016-Ю), Д. Н. Покачев (2016-Т, 2021) и С. Г. Рынков (2016-Т, 2021). Из всех фиксаций таких обрядов в открытом доступе находится лишь фильм Л. Мери (1989), есть также обстоятельная статья Ш. Дудека [Dudeck, 2022], посвященная обряду 2016 г. в д. Русскинская. По этим материалам можно составить некоторое представление о тромаганской традиции медвежьего праздника, и к этим источникам мы будем обращаться при **характеристике обряда 2022 г.**

От организаторов нам было известно, что люди с Тромъёгана не только хотели провести «свой» праздник, без вмешательства певцов других традиций, но и высказали пожелание, чтобы аудитория была подготовленной, а женщины были в юбках и платках. О стремлении к сепарации сообщает и Ш. Дудек: «два наших собеседника из числа восточных хантов... хотели бы избежать такого компромисса (сочетания восточного и северного в обряде. – Г. С.) в будущем» [Dudeck, 2022, p. 56–57]. Также был запрос на видеозапись. Очевидна направленность носителей традиции на ее документирование, на серьезное отношение к предпринимаемому действию. Тем не менее, фестиваль привлек и исполнителей северо-хантыйской (казымской) версии медвежьих игрищ, доминирующей в настоящее время в хантыйской культуре. В итоге обряд в честь медведя провели пять знатоков фольклора локальных групп восточных хантов – тромаганских (С. В. Кечимов и Д. Н. Покачев, ведущие исполнители обряда 2016-Т), аганских (С. А. Айпин и Л. Н. Айпина),

⁷ См. сн. II к таблице.

⁸ 1986 – Ю. И. Шейкин, Р. Б. Назаренко, переводчик Е. Д. Айпин; 1987 – Ю. И. Шейкин, Р. Б. Назаренко, В. И. Киле, переводчик Е. Д. Айпин; 1989 – Р. Б. Назаренко, О. Э. Добжанская, лингвист Н. Б. Кошкарева.

⁹ Информация приведена по дневнику участницы экспедиции В. И. Киле. Фонозаписи хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской консерватории (колл. А0046, А0047, А0055).

¹⁰ Н. М. Вахитова, Т. В. Павлова, переводчик Е. Д. Айпин. Материалы хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской консерватории (колл. А0054).

юганских (А. Н. Ачимов) и два казымских мастера (Т. А. Молданов и Я. Н. Тарлин).

Структура обряда определялась старейшинами традиционным способом – с помощью гадания на голове медведя, но учитывались также и другие, внешние факторы. Гадание на голове медведя¹¹ [Рудь, 2013, с. 197–198], выражающее, по представлению хантов, его волю, помогает определить важные моменты обряда. Оно было совершено дважды: вечером накануне праздника и в его последний день. Во время гадания голову с лапами и шкурой приподнимают, и в зависимости от того, легко или тяжело это сделать, ответ медведя интерпретируется как «да» или «нет». Накануне праздника 2022 г. гадали по старшинству (от младшего), ни у кого из поднимавших ответа медведя не было, и тут подошел черед автора настоящих строк. Поскольку приглашение было настойчивым, пришлось пойти. При третьем подъеме голова действительно очень легко поднялась, и старейшины стали задавать вопросы, их было много. Обращения к медведю по-хантыйски иноязычному исследователю были непонятны, но заклинательные формулы во 2-м лице «лесной зверь, когтистый зверь» и др., многократно повторяемые, были отчетливо слышны. В этот вечер медведица (медведь был женского пола) «не захотела» никаких песен и игрищ, она «ответила» только, что пришла в образе Тромаганской лесной богини, и что проголодалась. После этого все засмеялись: и правда, ведь все ходили на ужин, а ей подношение не поставили. Тут же оплошность была исправлена: сооружен стол и поставлено угощение (орехи, печенье, конфеты, чай). А. Рудь, наблюдавший обряд гадания на медвежьем празднике у юганских хантов в 2010 г., приводит пример важности ответа медведя для совершающих обряд: «несмотря на то, что большинство участников были уже настроены на завершение медвежьего праздника, он был продолжен» [Там же, с. 197]. Во время гаданий последнего дня описываемого обряда был получен неожиданный наказ медведицы завершить праздник без особых торжеств, просто усыпляющей песней. Медвежья голова и шкура, вместо того, чтобы отправиться в культовое место (священный лабаз), была завещана организаторам – регионому музею, где уже есть подобный экспонат. Повторение ситуации, имевшей место на празднике 2016 г., когда медведица тоже «решила» отправиться к организаторам (в музей д. Русскинская) [Dudeck, 2022, p. 61], наводит на мысль о возможности субъективного, вариативного истолкования ответов медведя под воздействием обстоятельств. В данном случае прослеживается связь между организационно-финансовым обеспечением и получением своего рода «дивидендов».

Поскольку обряд был одним из фестивальных событий, которое должно пройти в заранее определенное время, то этот внешний фактор повлиял на продолжительность обряда. Предписанные обско-угорской традицией четыре дня праздника в честь медведя женского пола нужно было вместить в отведенные для этого три дня программы фестиваля. Ведущие нашли выход в условном разделении одного реального дня на два ритуальных: перед обедом в первый день праздника была исполнена песня усыпления медведя, а послеобеденная часть началась пробуждающей песней, как будто это был новый день. Опыт такого подсчета дней праздника у тремаганских певцов уже был [Dudeck, 2022, p. 60].

---

¹¹ «...*mələqsəta* – «гадать, ворожить» – обряд, во время которого общение с божествами и духами происходит посредством приподнимания... предметов» [Рудь, 2013, с. 196].

Ведущие исполнители песен в обряде 2022 г. – известные, хоть и в разной степени, знатоки ритуалов С. В. Кечимов и Д. Н. Покачев¹². Именно в их трансляции прозвучала большая часть священных песен. Много исполнил также Т. А. Молданов, хантыйский ученый и активный участник медвежьих праздников. Если его не ограничивать, то можно было бы услышать полный казымский вариант: его фольклорные знания, энергия, жажда творческого высказывания и лидерские качества помогли бы это сделать. Чтобы праздник не стал очередным казымским, автору этих строк пришлось периодически вмешиваться, увещевая Тимофея дать возможность людям с Тромъёгана проявить себя, а нам – записать редкий материал. Медвежий праздник в Русскинской (2016-Т) уже показал сильную позицию северной версии обряда: двумя казымскими хантами тогда было исполнено 94 эпизода, в то время как намного большая группа участников из восточных хантов, включая трех ведущих исполнителей и нескольких женщин, спела всего 75 песен [Dudeck, 2022, p. 57]. В 2022 г. соотношение получилось иным.

Существенными моментами сценария данного медвежьего праздника, связанными с трансляцией фольклора, являются: гадание на голове медведя – здесь есть формулы-вопросы; четырехкратный обход дома и внос головы медведя через окно в дом – со стуками и криками *човьё-човьё!*; жертвенная церемония (заклание оленя) на третий день обряда – с молитвами, прочитанными тремя ведущими исполнителями, и коллективными ритуальными возгласами; исполнение священных и несвященных песен и сценок на протяжении всего праздника.

В течение четырех ритуальных дней перед медведицей звучали *дйүдтэп* – священные песни, пробуждающие ее (*пути килтыты дйүдтэп*) и усыпляющие (*пути одтыты дйүдтэп*)¹³. С помощью этих песен устанавливаются временные рамки: начало и конец каждого ритуального дня. Другие *дйүдтэп* – песни богов, прибывающих на праздник. В тромаганской традиции они исполняются сольно, певец облачен в халат с длинными рукавами, на голове берестяная маска, в руке деревянный посох. На празднике прозвучали 24 священные песни, 17 из них исполнили носители тромаганской традиции (С. В. Кечимов, Д. Н. Покачев), 3 – аганской (С. А. Айпин). Казымские священные песни духов-покровителей (4) прозвучали из уст Т. А. Молданова. Сакральная часть программы, без сомнения, сформирована по восточному (тромаганскому) сценарию.

Фольклор сургутских хантов представлен также несвященными песнями (4) и двумя сказками в исполнении аганской носительницы фольклора Л. Н. Айпиной, а также сказкой и тремя песнями юганского ханта А. Н. Ачимова. Последний прекрасно вписался в исполнительский коллектив, хотя приехал с намерением поучиться, сделать запись обрядовых песен, поделиться ими с сородичами для восстановления праздника у себя дома.

В сценках, наоборот, ведущими стали казымские участники – Т. А. Молданов и Я. Н. Тарлин. Обладая врожденным актерским талантом, они поражали артистизмом, обилием творческих идей, вовлекая зрителя в свою игру.

К сожалению, аудитория была совсем немногочисленной и лишь отчасти традиционной: присутствовали несколько женщин (2–4), включая жен певцов, и 1–2 сотрудника музея. Временами в доме медвежьего праздника оставались только

---

¹² О проведении ими обряда поклонения духу воды перед началом окружных соревнований по гребле на обласах: <https://ugra-news.ru/article/05072018/69835> (дата обращения 15.11.2022).

¹³ Термины приводятся по черновикам описи аудиофонда ОНМЦ (см. сн. II к таблице).

исполнители и мы – те, кто записывал... А ведь зрители должны не просто сидеть, а быть включенными в происходящее! Не было тех заинтересованных и понимающих слушателей, в том числе готовых перенять опыт поклонения медведю через устройство игрищ. Люди, которые ненадолго заходили в дом посмотреть на экзотику, и даже ханты другой группы, не стремящиеся включаться в данную культуру, – это только наблюдатели, а не активная обрядовая аудитория. Не происходит партисипации, которая делает ритуал настоящим, коллективным, традиционным. Именно тоской по традиционной аудитории, которая является не просто слушателем, но активным участником обряда, как раз и объясняется просьба старейшин к организаторам пригласить тех, кто понимает медвежий праздник.

Недостаток «правильной» аудитории вынудил артистов активно взаимодействовать с присутствующими учеными, а последним пришлось включаться в обрядовое действие. Так, в одной из сценок не хватало участников-мужчин, и тогда К. А. Сагалаев, снимавший обряд на видео, оставил камеру коллеге, облачился в суконный халат и маску и прошелся вместе с остальными семьей «зырянами», сюжет о которых звучал в песне Т. А. Молданова. В другой раз москвичку-социолога позвали в сценку «Сенокос», где ей пришлось изобразить танец косаря, взмахивая руками в хантыйском платье.

Актуализация тем, ситуативное сотворчество компенсировало нехватку подготовленной публики. Все исполнители, независимо от авторитета и локальной принадлежности, придумывали, какую сценку можно сейчас сыграть, обсуждали, делились идеями и дружно высказывались из избы, чтобы переодеться и договориться о деталях.

Когда возникла пауза в пении священных песен и кто-то не смог вспомнить напев, появилась сценка «Песня потерялась». Артист обходил всех присутствующих, тыча посохом куда попало (особенно активно в лиц женского пола), осматривая все места, где может быть спрятана песня. Когда дошла очередь до С. В. Кечимова, он встал, спустил верхние штаны, показывая, что у него тоже песни нет! А Л. Н. Айпина придумала сценку с метлой: подпрыгивая, обметала ею присутствующих, будто бы выгоняя болезни.

Обычная для медвежьих праздников эротическая составляющая с подачи Т. А. Молданова неожиданно воплотилась в инсценировку научной работы. Оказывается, ханты с интересом читали статью Е. В. Переваловой «Эротика в культуре хантов» [1992], «она всех научила, как правильно *этим* заниматься». Под общий хохот быстро составила сценку «Дедушка учит священному делу» с участием одного ведущего (Т. А. Молданова), излагавшего историю с комментариями, и трех «иллюстраторов», среди которых был ученый-археолог из Ханты-Мансийска.

Танцев на этом обряде не было, за исключением песни-танца, изображающего волны на озере (Л. Н. Айпина). Коллективные танцы, мужские и женские, характерные для праздников северных хантов и манси, отсутствовали вовсе. Танцевальные движения выполнялись только при окончании священных песен божеств (это обязательный элемент) и в сценках-представлениях, если требовалось по сюжету. Ситуацию можно связать как с малым числом присутствующих, знающих хантыйские танцы, так и со значительным смысловым перевесом (приоритетом) песнопений в восточно-хантыйской традиции.

В медвежьем празднике есть ряд общих для всех хантов явлений, по которым можно проследить специфичность любой локальной традиции. Наблюдаемый

нами праздник в сравнении с двумя восточными обрядами, в которых ведущими исполнителями были тромаганские певцы (1988-Т и 2016-Т), и с северными игрищами обнаруживает следующее.

- Песни пробуждения и усыпления медведя исполняются с колокольчиком ежедневно в начале и в конце каждого дня, как и во всех других традициях.

- Окончание сценки или песни отмечается звуком колокольчика либо перебором струн музыкального инструмента *нарс-юх*. Хотя инструмент лежал в должном месте, рядом с клетью медведицы, наигрыши на нем не звучали. На празднике 2016-Т тоже был музыкальный инструмент [Dudeck, 2022, p. 53], но об игре на нем не упоминается. А вот в более раннем празднике (1988-Т) принимали участие блестящие музыканты Т. И. Кечимов (арфа *тор-сапль-юх*) и С. Т. Кечимов (лютня *нин-юх*).

- Коллективное исполнение мифозпических песен, свойственное северохантыйской и мансийской версиям праздника, здесь отсутствовало вовсе. Все священные песни исполнялись соло. В северной практике один знаток ведет мелодию, а остальные, сцепившись мизинцами друг с другом, негромко подпевают, поднимая и опуская руки в такт пению. В фильме Л. Мери (1988-Т) запечатлен другой вариант коллективного духовного посыла: мы слышим песню отправления души медведя в исполнении И. С. Сопочина и видим, как все присутствующие стоят полукругом, взяв друг друга за мизинцы и слегка покачиваясь.

- Непременная маскировка голоса – произнесение реплик фальцетом в шуточных сценках – слышалась только от казымских участников.

- Актеры облачались в специально сшитые суконные халаты, платки / шали и маски. Шапок, отороченных мехом, и рукавиц для закрывания рук по время исполнения священных песен, как на севере, не было.

О музыкальной стороне обрядового пения надо сказать особо. В архаическом эпосе, к которому, безусловно, относится мифозпическое пение на медвежьем празднике, первичным является слово, помещенное в рамку мелодии. Таким способом слово «консервируется» для лучшего запоминания, тем самым обеспечивается возможность передачи через него важных знаний о мире. Принципиальная значимость вербального слоя делает безуспешной нотную запись в отсутствие расшифрованного текста. Материал, записанный в 2022 г., пока не обработан, словесная транскрипция его не выполнена. Поэтому на данном этапе автором сделана схематичная нотировка ряда песен, что позволило получить предварительные данные о характере обрядовых напевов.

В пробуждающих и усыпляющих медведя песнях функционируют политекстовые напевы. Так, три из четырех пробуждающих песен имеют одну и ту же мелодию; четвертая же поначалу поется на другой напев (возможно, певец не сразу в него «попал»), а затем становится очень похожей на остальные. Далее, две из четырех усыпляющих песен тоже исполнены на «пробуждающий» напев. Мало того, его контуры напева напоминают пробуждающие песни казымской и северо-мансийской традиции [Vasylenko, 2016; Солдатова, 2015]. Универсальная сочетаемость напева с текстами ритуальных песен разных локальных традиций говорит о его прочной позиции и давности использования в обрядовой практике. Вполне допустимо предположить, что напев пробуждающих / усыпляющих медведя песен является обрядовым *пранепевом*.

Интересно сопоставление музыкального стиля священных песен двух ведущих исполнителей праздника – С. В. Кечимова и Д. Н. Покачева. Кечимов более свободно обращается с ритмом и высотой, а у Покачева мелодии оформлены более

строго. Похожее соотношение замечено в пении двух корифеев казымского обрядового пения – П. И. Сенгепова и С. Е. Тарлина, совместно лидировавших на медвежьем празднике 2002 г. С. В. Кечимов, который тоже был приглашен на тот обряд, поделился своим восприятием их пения: «Семен Егорович поет такие мелодии, что легко запоминаются... А у Петра Ивановича трудная мелодия». Тогда же, как напоминает полевой дневник, С. В. Кечимов попросил Тимофея Молданова выслать ему кассеты с записью С. Е. Тарлина и П. И. Юхлымова, еще одного знатока медвежьего репертуара северных хантов. Нетрудно догадаться, что прослушивание северных медвежьих песен не прошло бесследно и в какой-то степени повлияло на сегодняшнее пение Кечимова. Теперь он поет менее стабильно, заметно варьируя ритм и высоту звука.

Напевы Д. Н. Покачева, напротив, хорошо организованы, его текст пропеваётся не долго и распевно, как у северных хантов, а скоро: каждая мелострока связана с плотной словесной информацией. Этот параметр, а также ритмический остов напевов очень напоминают обрядовое пение манси [Солдатова, 2015].

Схождения напевов тромаганских медвежьих песен с северными обско-угорскими должны быть тщательно исследованы, тем более что многие тромаганские и аганские ханты имеют предков – выходцев с казымских территорий [Wiget, Balalaeva, 2022, p. 44]. Вопрос о сходстве с напевами манси требует серьезной проработки.

Проведенный в 2022 г. медвежий праздник, безусловно, имеет признаки гибридности (см. об этом [Dudeck, 2022]), поскольку в нем смешаны черты разных локальных традиций хантйской фольклорно-обрядовой культуры. Однако если ответить на вопросы о локальной принадлежности ведущих певцов, о количественном соотношении исполненных ими песен и эпизодов, прежде всего сакральных, о том, кто определяет ход обряда и его ключевые моменты, то можно прийти к выводу о восточно-хантйском, точнее, тромаганском характере этого праздника.

Совместное проведение обряда силами разных групп сургутских хантов (см. таблицу) практикуется давно и, по-видимому, является одним из вариантов нормы. Сейчас, на фоне стремительного угасания обрядовой практики, смешение становится неизбежным, причем не только с территориально близкими сородичами, но и с северными хантами. Гибридные праздники оказались в тренде, став новой формой существования обряда.

Несмотря на изменения в практике проведения медвежьего праздника, поэтико-мелодический фонд его тромаганской версии сохраняется: традиция ритуального пения жива, ее еще можно слышать, записывать, передавать молодому поколению. Несомненно, полевая работа с носителями тромаганского фольклора очень актуальна. Не менее важна обработка уже записанного материала. К сожалению, тексты восточно-хантйских медвежьих праздников в большинстве своем до сих пор не расшифрованы и не опубликованы. Юганские тексты только начинают появляться (см. сн. VI к таблице). Изданных песен тромаганского медвежьего праздника, насколько нам известно, нет, хотя работа по расшифровке и анализу песен, записанных в 2016 г., ведется совместно с носителями языка [Dudeck, 2022, p. 75]. Сейчас, пока традиция жива, крайне необходимо расшифровывать и переводить тексты с информантами, знатоками фольклора, комментировать сложные для понимания места, чтобы обеспечить возможность адекватной и полной публикации медвежьих песен, иначе уникальные записи наследия хантов могут остаться в архивах непонятыми и практически ненужными.

Список литературы

- Балалаева О. Э.* Технология, перформанс и сохранение культурного наследия, или медвежий праздник и медиасентр юганских ханты: сибирский вариант // Вестник Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 204–209. DOI 10.17223/22220836/36/19
- Гриневиц А. А.* Поэтические константы песен медвежьего праздника казымских хантов. Новосибирск: Наука, 2021. 123 с.
- Лукина Н. В., Попова С. А.* Об историческом соотношении видов медвежьего праздника у обских угров // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 4. С. 718–727. DOI 10.30624/2220-4156-2020-10-4-718-727
- Молданов Т.* Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 139 с.
- Молданова Т. А.* Из истории возрождения хантыйского медвежьего праздника в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 117–125.
- Перевалова Е. В.* Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера: Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 85–97.
- Рудь А.* Обряды гадания восточных хантов в начале XXI века // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2013. № 6 (27). С. 194–204.
- Сазалаев К. А., Солдатова Г. Е.* Медвежий праздник восточных хантов на фестивале // Кятлели. Этнографический альбом. Мегион; Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2022. С. 76–82.
- Соколова З. П.* Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2. С. 121–130.
- Солдатова Г. Е.* Опыт анализа временной организации мансийских обрядовых напевов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 1 (28). С. 91–96.
- Телегина Л. А.* Медвежья вечерка // Уватские известия: сетевое издание. 24.06.2015. Вып. 51 (9524). URL: <http://uvatskie.ru/article/76216/> (дата обращения 28.06.2017).
- Чепреги М.* Сургутский диалект хантыйского языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.
- Шубин В. В.* Роль киностудии «ТГУ-фильм» и студии «Визан» в становлении отечественной визуальной антропологии // Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 162–170.
- Dudeck S.* Hybridity in a Western Siberian bear ceremony // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2022. No. 16 (2). P. 43–85. DOI 10.2478/jef-2022-0013
- Vasylenko (Mazur) O. V.* Style and Genre Aspects of Kazym Khanty Bear Festival Songs // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2016. Vol. 55, iss. 1. P. 22–40. DOI 10.1080/10611959.2016.1263489
- Wiget A., Balalaeva O.* Valuing Difference: Bear Ceremonialism, the Eastern Khanty, and Cultural Variation among Ob-Ugrians // Sibirica. 2022. No. 21 (1). P. 25–52. DOI 10.3167/sib.2022.210103

References

Balalaeva O. E. Tekhnologiya, performans i sokhranenie kul'turnogo naslediya, ili medvezhiy prazdnik i mediatsentr yuganskikh khanty: sibirskiy variant [Technology, Performance, and the Preservation of Cultural Heritage, or the Bear Festival and the

Yugan Khanty Digital Media Center: A Siberian Example]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019, no. 36, pp. 204–209. DOI 10.17223/22220836/36/19

Chepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. N. B. Koshkareva (Ed.). Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2017, 275 p.

Dudeck S. Hybridity in a Western Siberian bear ceremony. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2022, no. 16 (2), pp. 43–85. DOI 10.2478/jef-2022-0013

Grinevich A. A. *Poeticheskie konstanty pesen medvez'ego prazdnika kazymskikh khantov* [Poetic constants of songs of bear festivals of Kazym Khanty]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 123 p.

Lukina N. V., Popova S. A. Ob istoricheskom sootnoshenii vidov medvezh'ego prazdnika u obskikh ugrov [On the historical correlation of types of bear festivals among the Ob Ugrians]. *Bulletin of Ugric studies*. 2020, vol. 10, no. 4, pp. 718–727. DOI 10.30624/2220-4156-2020-10-4-718-727

Moldanova T. A. Iz istorii vrozhdeniya khantyyskogo medvezh'ego prazdnika v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre [From the history of the revival of the Khanty bear holiday in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (31), pp. 117–125.

Moldanov T. *Kartina mira v pesnopeniyakh medvezh'ikh igrishch severnykh khanty* [The picture of the world in the chants of bear games of the northern Khanty]. Tomsk, TSU, 1999, 139 p.

Perevalova E. V. Erotika v kul'ture khantov [Eroticism in the Culture of Khanty]. In: *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa: Sb. nauch. tr.* [Model in the cultural studies of Siberia and the North: Coll. of sci. art.]. Ekaterinburg, Ural Branch of the RAS, 1992, pp. 85–97.

Rud' A. Obryady gadaniya vostochnykh khantov v nachale 21 veka [Divination rites of the Eastern Khanty in the early 21st century]. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2013, no. 6 (27), pp. 194–204.

Sagalaev K. A., Soldatova G. E. Medvezhiy prazdnik vostochnykh khantov na festivale [Bear-Feast of the Eastern Khanty at the festival]. In: *Kätjeli. Etnograficheskiy al'bom* [Kätjeli. Ethnographic album]. Megion, Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir, 2022, pp. 76–82.

Shubin V. V. Rol' kinostudii “TGU-fil'm” i studii “Vizan” v stanovlenii otechestvennoy vizual'noy antropologii [The role of the TSU-film studio and the studio “Visan” in the formation of Russian visual anthropology]. In: *Zerkala kul'tur: Pamyati A. M. Sagalaeva* [Mirrors of cultures: In memory of A. M. Sagalaev]. Novosibirsk, IAET SB RAS, 2019, pp. 162–170.

Sokolova Z. P. Kul't medvedya [Bear cult]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2002, no. 2, pp. 121–130.

Soldatova G. E. Opyt analiza vremennoy organizatsii mansiyskikh obryadovykh napevov [The experiments of the results of analysis of the temporal organization of Mansi ritual tunes]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2015, no. 1 (28), pp. 91–96.

Telegina L. A. Medvezh'ya vecherka [Bear's party]. *Uvatskie izvestiya: setevoe izdanie*. 24.06.2015, iss. 51 (9524). URL: <http://uvatskie.ru/article/76216/> (accessed 28.06.2017)

Vasylenko (Mazur) O. V. Style and Genre Aspects of Kazym Khanty Bear Festival Songs. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2016, vol. 55, iss. 1, pp. 22–40. <https://doi.org/10.1080/10611959.2016.1263489>

Wiget A., Balalaeva O. Valuing Difference: Bear Ceremonialism, the Eastern Khanty, and Cultural Variation among Ob-Ugrians. *Sibirica*. 2022. no. 21 (1), pp. 25–52. DOI 10.3167/sib.2022.210103

Информация об авторе

Галина Евлампьевна Солдатова, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57222248642
WoS Researcher ID K-1125-2017

Information about the author

Galina E. Soldatova, Candidate of Arts, Leading Researcher of the Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57222248642
WoS Researcher ID K-1125-2017

*Статья поступила в редакцию 25.06.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 18.07.2023
The article was submitted on 25.06.2023;
approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 18.07.2023*